



МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

На тему: Лингвистическая репрезентация мифологем в военном дискурсе

Исполнитель Текайев Кервен

Руководитель кандидат педагогических наук

Ротмистрова Ольга Валерьевна

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой 

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

Кишнес Людмила Владимировна

«19» декабря 2021 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2021

Содержание

Введение	3
Глава I. Теоретические аспекты изучения мифологем в военном дискурсе.....	7
1.1. Мифологема: определение понятия и функции.....	7
1.2. Мифологемы в аспекте военного дискурса.....	15
1.2.1. Структура военного дискурса.....	15
1.2.2. Военный дискурс как предмет лингвистического описания.....	18
1.2.3. Мифологемы как компоненты военного дискурса.....	26
Выводы по главе I.....	32
Глава II. Особенности лингвистической репрезентации мифологем в военном дискурсе.....	34
2.1. Средства лингвистической репрезентации мифологемы «русский солдат» в военном дискурсе.....	34
2.2. Средства лингвистической репрезентации мифологемы «Великая Победа» в военном дискурсе.....	37
2.2.1. Средства лингвистической репрезентации мифологемы «Великая Отечественная война» в военном дискурсе.....	48
Выводы по главе II.....	52
Заключение.....	58
Список использованной литературы.....	62

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена выявлению и исследованию особенностей мифологем, функционирующих в военном дискурсе, в контексте их лингвистической репрезентации.

Военный дискурс как предмет лингвистического описания привлекает внимание учёных в разных аспектах исследования: культурологическом, философском, историческом, политическом, рекламном, лингвистическом, педагогическом и др. Как известно, главным критерием дискурса вообще выступает особая языковая среда, в рамках которой происходит создание соответствующих языковых конструкций. В контексте данного понимания, дискурс – это речь погруженная в жизнь, то есть лексика, семантика, прагматика и синтаксис, которые находят свое проявление в коммуникации и текстах и с помощью которых происходит лингвистическая репрезентация различных компонентов определённого дискурса, а в рамках данного исследования мы говорим о компонентах военного дискурса.

Среди составляющих военного дискурса особое место занимают мифологемы, поскольку они являются ретрансляторами состояния общественного сознания, общественной психологии, в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. Мифологемы фиксируют порядок вещей и служат концептуальным обоснованием поведения в данном обществе. Примечательно, что мифологемы, являющиеся доминантными в военном дискурсе, отражают ценностный аспект русской языковой картины мира.

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена, во-первых, «выходом» компонентов военного дискурса за рамки сферы их изначального применения и их проникновением в повседневную речь простых обывателей, во-вторых, сопряжением репрезентации ценностного аспекта мифологем в

военном дискурсе в узком его понимании и с позиций широкого его понимания – в пространстве русской языковой картины мира.

Объектом изучения в данной работе является военный дискурс в контексте лингвистического описания.

Предмет исследования – лингвистические особенности мифологем в военном дискурсе.

Цель – выявить и описать особенности лингвистической репрезентации мифологем, функционирующих в военном дискурсе.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- изучить определение и объём понятия мифологемы;
- рассмотреть типологию мифологем;
- охарактеризовать структуру военного дискурса;
- изучить военный дискурс в контексте лингвистического описания;
- проанализировать мифологемы в качестве компонентов военного дискурса;
- определить мифологические мотивы в военном дискурсе;
- аргументировать принципы вычленения мифологем, характерных для военного дискурса;
- выявить и описать средства лингвистической репрезентации мифологем в текстах военно-публицистических текстах; текстах, отражающих феномены военного дискурса (в военно-публицистических, научных, научно-популярных, текстах военной рекламы и др.).

Новизна работы состоит в том, что впервые мифологемы, определяющие специфику военного дискурса, описываются в лингвистическом аспекте.

В работе использовались следующие методы исследования: индуктивно-дедуктивный метод (наблюдение, анализ, обобщение материала), описательно-аналитический метод, методы компонентного и дистрибутивного анализа, лексикографический анализ, семантический анализ, прием направленной выборки материала из текстов военного дискурса, прием статистического анализа.

Материал исследования составили:

- 1) работы, посвященные теоретическим аспектам и особенностям военного дискурса (Б.М. Галиев, Ищенко, Р.Р. Мавлеев, Олянич, Д.Р. Фахрутдинова, Т.С. Юсупова и др.);
- 2) работы, посвященные исследованию военного дискурса в лингвистическом аспекте (Р.Р. Мавлеев, О.В. Ротмистрова, А.Н. Супронова и др.);
- 3) работы, в которых рассматривается феномен и типология мифологем (В.Н. Варламова, И.Г. Вепрева, С.В. Иванова, М.В. Моисеев, Т.А. Шадрин и др.);
- 4)

Теоретическая значимость заключается в том, что данное исследование даёт материал для дальнейших теоретических обобщений, связанных с особенностями употребления мифологем в пространстве различных дискурсов.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы при подготовке лекций и практических занятий по различным аспектам русского языка, в том числе русского языка как иностранного.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования.

В первой главе, посвящённой теоретическим аспектам изучения мифологем в военном дискурсе, рассматриваются определение и объём понятия мифологемы, типология мифологем, характеризуется структура военного дискурса, военный дискурс рассматривается в контексте лингвистического описания, мифологемы анализируются в качестве компонентов военного дискурса.

Во второй главе, посвящённой описанию лингвистической репрезентации мифологем в военном дискурсе, определяются мифологические мотивы в военном дискурсе, аргументируются принципы вычленения мифологем, характерных для военного дискурса; описываются средства лингвистической репрезентации мифологем в текстах, отражающих феномены военного дискурса.

В заключении приводятся выводы, сделанные в рамках исследования.

В приложении приводится список мифологем военного дискурса и их толкование в соответствии с контекстом употребления.

Глава I. Теоретические аспекты изучения мифологем в военном дискурсе

1.1. Мифологема: определение понятия и функции

Существует несколько подходов к определению понятия «мифологема». Рассмотрению данного вопроса посвящены работы таких исследователей, как И.Т. Вепрева, К. Кереньи, Н.А. Кобылко, Н.А. Левитская, А.С. Цыганков, Ю.Л. Шишова, К.Г. Юнг и др.

Мифологе́ма (от др.-греч. μῦθος «сказание, предание» + λόγος «мысль, причина») — мифологические сюжеты, сцены, образы, характеризующиеся глобальностью, универсальностью и имеющие широкое распространение в культурах народов мира. Примеры: мифологема первочеловека, мифологема мирового дерева, и др. Употребляется также термин «мифологический архетип».

Понятие было введено в научный оборот К. Г. Юнгом и К. Кереньи в монографии «Введение в сущность мифологии» [53].

Термин «мифологема» имеет амбивалентную природу: это и мифологический материал, и почва для образования нового материала.

Искусство мифологии определяется своеобразием своего материала. Основная масса этого материала, сохранявшаяся традицией с незапамятной древности, содержалась в повествованиях о богах и богоподобных существах, героических битвах и путешествиях в подземный мир — повествованиях («мифологема» — вот лучшее древнегреческое слово для их обозначения), которые всем хорошо известны, но которые далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества. Мифология есть движение этого материала: это нечто застывшее

и мобильное, субстанциональное и всё же не статичное, способное к трансформации [1; 17; 18; 19; 32; 53].

В современной литературе слово «мифологема» часто используется для обозначения сознательно заимствованных мифологических мотивов и перенесения их в мир современной художественной культуры.

На сегодняшний день отмечают «расплывчатость формулировок, касающихся сущности мифологема, и трудности, возникающие при попытке сформулировать непротиворечивое и исчерпывающее определение мифологема» [41, 180]. Множество вариантов употребления термина «мифологема» можно условно разделить на три группы: представление о мифологеме как о синониме архетипа [41], рассмотрение мифологема в качестве минимальной структурной единицы мифа, «атома мифа» (С.Ю. Гуцол) и понимание мифологема как конкретного воплощения архетипа (Ю.В. Вишницкая, В.А. Маслова, С.А. Линченко, А.С. Цыганков, Ю.А. Иванова, О.В. Коляда). Подобная неоднозначность является причиной сбоев в последовательном изучении мифологем и обуславливает необходимость анализа различных подходов.

Безусловно, мифологема является структурной составляющей мифа, как коммуникативной системы, в которой возможно развитие и сохранение интуитивно постигаемых единиц значения. Но можно ли рассматривать ее как минимальную единицу? Существует термин «мифема», предложенный французским этнографом и культурологом К. Леви-Строссом для обозначения элементарной структурно-смысловой языковой единицы мифа. К. Леви-Стросс считает, что мифемы «нельзя уподобить ни фонемам, ни морфемам, ни семантемам и что они соотносятся с более высоким уровнем: в противном случае миф ничем не отличался бы от любой другой формы высказывания [22, с. 219]. Мифема метафорически на уровне фразы выражает представление о некоторой ситуации, некотором отношении. Термин «мифема» удобен тем, что органично вписывается в систему

стереотипных моделей метаязыка; подобно системно-языковым терминам «морфема», «лексема», «мифема» без дополнительных объяснений воспринимается как минимальная значимая единица языка (мифа), благодаря специфическому аффиксу -ем-а [5, с. 219]. Распознать мифему в тексте гораздо сложнее, чем мифологему [18].

Понимание мифологемы как синонима архетипа возникло как побочный эффект использования в различных науках идеи о врожденных «первообразах», являющихся частью коллективного бессознательного. Однако обозначение одного и того же содержания понятия термином «архетип» в психологии и антропологии, а в философии, филологии и культурологии – термином «мифологема», не представляется целесообразным, тем более оба термина были введены в оборот аналитической психологии одним ученым. Предложение использовать термин мифологема прозвучало в монографии К.Г. Юнга и К. Кереньи «Введение в сущность мифологии» [53; 54]. Здесь мифологема преподносится как «лучшее древнегреческое слово» для обозначения повествований, содержащих мифический материал. Эти повествования «всемирно известны, но ... далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества» [54, с. 13]. Авторы сравнивают преобразования в мифологии с потоком, течение которого непрерывно, но в нем происходит «развертывание» мифических смыслов в мифологему, которая становится полноценным объективным произведением со своим собственным голосом.

Архетипы К.Г. Юнг определяет как первичные врожденные структуры бессознательного, автономные единицы бессознательной души. Ученый сравнивает архетип с сосудом, формой, наполнение которой может меняться. Архетип «существует лишь потенциально и, оформившись, перестает быть тем, чем был раньше. Он продолжает жить веками и всегда требует нового истолкования» [53, с. 118-119]. К.Г. Юнг пишет: «Если мы не можем

устранить архетипы или же обезвредить их, то на каждой новой ступени, достигнутой цивилизацией в дифференциации сознания, мы сталкиваемся с задачей поиска новой интерпретации, приемлемой для данной ступени, с тем чтобы связать все еще существующую в нас жизнь прошлого с жизнью настоящего, которая угрожает ускользнуть от этого» [53, с. 93].

Конкретизируя классический подход к определению мифологемы, можно говорить об архетипах как о неизменных универсалиях человеческого существования, а о мифологеме – как о разворачивании в пространстве смыслов, содержащихся в архетипах. При этом архетипы объединяют разнообразные этноспецифичные мифологемы, обеспечивая сквозное единство человеческой культуры, и являются константными доминантами. Поэтому архетип и мифологему можно рассматривать в качестве статических и динамических элементов мифа соответственно.

Следовательно, понятия «архетип» – «мифологема» – «миф» – «мифема» соотносятся как универсальная модель коллективного бессознательного – конкретная интерпретация универсальной модели коллективного бессознательного – коммуникативная система, в которой осуществляется интерпретация универсальных моделей коллективного бессознательного – элементарная структурно-смысловая единица коммуникативной системы, в которой осуществляется интерпретация универсальных моделей коллективного бессознательного.

Признаки и функции мифологемы

Несмотря на неоднозначные трактовки термина мифологема в современной науке, существуют бесспорные признаки мифологемы, определяющие ее суть: «свернутая сюжетность», региональная специфика и ретроспективность.

Для мифологемы специфично отсутствие фабульности, и ее смысловое содержание не нуждается в разворачивании. М.В. Дмитриенко называет это

свойство «свернутой сюжетностью» [11, с. 29], а Е.Ю. Ильинова поясняет: «Основой операционной среды для концептуализации мифологического сознания является синкретизм мифологемы и слов, ее номинирующих» [12, с. 185]. Так, мифологема мирового древа, где бы она ни использовалась, не нуждаясь в пояснении, символизирует центр мироздания, энергетический центр, связь между небесным царством, земным миром и преисподней.

Мифологема имеет этническую, региональную специфику, так как при ее конкретном воплощении испытывает влияние национальной картины мира. В качестве примера мы рассматриваем культовое аниме Хаято Датэ «Наруто», в котором актуализирована мифологема древа жизни [4; 6; 9]. Особенность древа жизни в том, что его плоды или сок возвращают молодость, здоровье, дарят вечную жизнь или невероятную силу. Волшебное растение в «Наруто» называется Божественное древо [4]. По сюжету Божественное древо было воплощением природной энергии и мощи, и люди ему поклонялись. Впервые за много лет на нем вызрел плод, срывать который людям запрещалось. Но нашлась одна женщина, посмевавшаяся сделать это и получившая сверхъестественную силу, «чакру». Чакра героини передалась ее потомкам, которые размножились по земле. Идея о чакре, биоэнергетической структуре, свойственная религиозным и философским традициям индуизма, в этом случае составляет региональную специфику мифологемы.

Мифологеме свойственна ретроспективность, потому что она предполагает ориентацию на опыт и идеи предшествующих поколений. В связи с этим в структуре мифологемы можно выделить историко-генетическую и актуальную части. Н.И. Коновалова пишет о смысловых уровнях мифологемы: «во-первых, она обращена в прошлое, ее основу составляют традиции ... во-вторых, она отражает настоящее, реальность современной культурной ситуации» [19, с. 210].

Наглядно продемонстрировать бинарную структуру позволяет анализ мифологемы конца света. Она присутствовала в мифах первобытных народов, в священных текстах большинства религий и на сегодняшний день широко эксплуатируется в художественных произведениях. Конец света происходит, когда мир нуждается в обновлении и «является завершением чего-то неистинного, еправильного» [24, с. 21]. Причиной тому может быть космический порядок (циклическая теория существования вселенной) или грехи человеческого рода. Все живое гибнет в результате стихийных бедствий.

Антрополог М. Элиаде в книге «Аспекты мифа» [50, с. 64-66] пишет, что индейское племя чоктау Северной Америки верило в уничтожение мира огнем, а индейцы племени чироки в качестве разрушительной силы представляли воду. Веревки, на которых, в их мировоззрении, земля подвешена к небесному своду, порвутся, и земля погрузится в океан. Люди племени кай, Новая Гвинея, верили в гибель Земли от землетрясения. В их мифологии творец Маленгфунг, создав мир и человека, удалился «на покой» на край света. Каждый раз, когда он ворочается во сне, происходят землетрясения. Однажды, когда создатель проснется и встанет на ноги, поврежденное небо обрушится на землю, уничтожив все живое. В древнеиндийских текстах на санскрите, пуранах, в конце света жизнь уничтожает огонь космического пожарища и вода. Сначала множество солнц, появившееся на небосводе, сожжет землю и высушит моря, затем долгий непрерывный ливень потопит землю [50, с. 68-69].

Современная киноиндустрия связывает конец света с глобальным потеплением, глобальным похолоданием, применением ядерного оружия, разработкой смертельного вируса и др. Человечество практически собственноручно насылает на себя беды. В фильме-катастрофе режиссера Р. Эммериха «Послезавтра» [23] в результате глобального потепления в результате стремительного таянья ледников понижается температура

Мирового океана, климат на планете резко меняется, происходят катаклизмы. Конец света предвещают затяжные ливни, град, торнадо, снегопады и холод, не щадящий ничего живого. Рушатся города, гибнет множество людей.

В этом примере необходимость обновления и стихийные бедствия – это историко-генетическая часть мифологемы конца света, а вот активная разрушительная роль человеческой деятельности – актуальная.

Большинство работ по исследованию мифологемы в отечественной науке выполнено филологами и лингвистами, в связи с этим мифологемы часто определяют как образы и мотивы мифологических систем, «перекочевавшие в художественные тексты» [Левитская, Ломакина, 2004]. Однако мифологема может раскрываться не только в текстах. Ю.Л. Шишова пишет: «Рассматриваемая как ментальная структура, природно-культурная составляющая человеческой психики, мифологема существует до текста и вне текста и может актуализовываться, помимо текста, в иных формах культурной деятельности человека (в играх, обычаях, ритуалах)» [52, с. 7-8].

Особенностями мифологемы определяется широкий набор функций, которые она выполняет. Е.Ю. Ильинова выделяет ряд коммуникативных функций мифологемы [12, с. 187]:

1. Познавательную (алогично-эвристическое объяснение причин мироустройства).
2. Аксиологическую (передачу необходимых для развития социума духовных ценностей).
3. Регулятивную (образ запрета-разрешения в социуме).
4. Эстетическую (сохранение нарративной традиции и выразительных возможностей языковой и фольклорной архаики).

Автор говорит о значимости номинативных возможностей мифологемы, связанной с «именованием («обживанием мира») и

переименованием субъектов и объектов в постоянно меняющейся когнитивной картине мира» [12; 17].

Кроме вышеупомянутых, мифологема выполняет и другие, не менее важные, функции в культуре. Мировоззренческая функция мифологемы свидетельствует о способности сознания за счет актуализации мифологем в конкретных культурно-исторических условиях конструировать картину мира. Реализация определенных мифологем позволяет людям приспосабливаться к меняющимся условиям бытия, используя модифицированные шаблоны действий, в чем проявляется адаптивная функция мифологемы. Смыслополагание, свойственное мифологеме, заключается в возможности человека вписать себя в определенный смысловой, социокультурный контекст. Интегрирующая функция за счет понимания мифологем с каким-либо колоритом обеспечивает национальное самосознание, целостность общества, коллектива [16; 20; 21; 25; 36; 40; 41].

Таким образом, термин мифологема обозначает конкретную интерпретацию универсальной модели коллективного бессознательного (архетипа) в любой форме человеческой деятельности с широким набором функций. Для этой интерпретации характерны отсутствие фабульности, ретроспективность и региональные особенности. Особенности мифологемы определяется широкий набор функций, которые она выполняет. Коммуникативными функциями мифологемы являются следующие: познавательная (алогично-эвристическое объяснение причин мироустройства), аксиологическая (передачу необходимых для развития социума духовных ценностей), регулятивная (образ запрета-разрешения в социуме), эстетическая (сохранение нарративной традиции и выразительных возможностей языковой и фольклорной архаики).

1.2. Мифологемы в аспекте военного дискурса

1.2.1. Структура военного дискурса

Военный дискурс как предмет лингвистического описания привлекает внимание учёных в разных аспектах исследования: культурологическом, философском, историческом, политическом, рекламном, лингвистическом, педагогическом и др. Как известно, главным критерием дискурса вообще выступает особая языковая среда, в рамках которой происходит создание соответствующих языковых конструкций. В контексте данного понимания, дискурс – это речь погруженная в жизнь, то есть лексика, семантика, прагматика и синтаксис, которые находят свое проявление в коммуникации и текстах и с помощью которых происходит лингвистическая репрезентация различных компонентов определённого дискурса, а в рамках данного исследования мы говорим о компонентах военного дискурса.

Исследованию военного дискурса посвящены работы таких исследователей, как Н.А. Ищенко [13], Р.Р. Мавлеев [26], М.Б. Носова [31; 32; 33], А.В. Олянич [34; 35], А.В. Уланов [44; 45] и др.

Среди составляющих военного дискурса особое место занимают мифологемы, поскольку они являются ретрансляторами состояния общественного сознания, общественной психологии, в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. Мифологемы фиксируют порядок вещей и служат концептуальным обоснованием поведения в данном обществе [32; 44; 45]. Примечательно, что мифологемы, являющиеся доминантными в военном дискурсе, отражают ценностный аспект русской языковой картины мира.

Военный дискурс с его особенностями, значением, формами, структурными элементами способствует распространению культурных ценностей и является ключевым средством в эффективной организации

военной деятельности. Военный дискурс влияет и в то же время находится под влиянием таких процессов и феноменов как: общеорганизационная культура, выработка решения, руководство личным составом, разрешение конфликтов. С самого начала зарождения военного ремесла существовала необходимость в постоянном установлении и поддержании контактов для достижения конкурентоспособности на самом высочайшем уровне. В контексте военных конфликтов 21-ого века военный дискурс и развитие военных контактов приобрели первостепенное значение. Военный дискурс стал основным инструментом не только для передачи команд и приказов, стратегий и доктрин, но и для передачи идеологии в общество, охватывая саму ткань дискурса. В данном контексте, коммуникация в военных кругах и сам дискурс должен передавать культурные модели, основанные на специфических элементах и феноменах. Дискурс должен охватывать систему ценностей, знаковую систему, вербальные компоненты, физические элементы [13; 27; 49; 50; 55].

Одной из особенностей военного дискурса является межкультурализм. Для объяснения природы данной особенности необходимо проанализировать вербальные элементы, которые определяют, как военную культуру, так и коммуникативные модели, свойственные для нее [55].

Анализ дискурса как основного компонента военной коммуникации показывает, что межкультурализм военного дискурса характеризуется языковым плюрализмом, культурными барьерами, различностью идеологий, понятий и представлений.

Особенности военного дискурса в большинстве своем детерминированы специфичным языком, который используется военными. Специфика формы языка обуславливаются деятельностью коммуникантов в процессе общения посредством использования особых структур и значений передаваемых в сообщении. Военный язык является специализированным языком, который характеризуется особой лексикой и организацией речи.

Таким образом, можно сказать, что военный язык является частью военного дискурса и характеризуется специальной терминологией, аббревиациями, фразеологией, сленгом, экспрессивными выражениями [49; 50].

Анализируя особенности военного дискурса нельзя не учитывать военную среду, в которой существует и развивается военный дискурс.

Характерными особенностями военной среды, которые проецируются на военный дискурс, являются строгая иерархичность, пирамидальный тип организационной структуры, субординация, наличие правил поведения, особые виды обращений, общая регламентированность общения нормативными документами [51].

Следующей особенностью военного дискурса является форма или структура общения. В военном дискурсе существует четыре формы общения: формальное, вертикальное, письменное и устное общение.

Вышеперечисленные формы общения военного дискурса неразделимы и функционируют одновременно, обеспечивая эффективность и продуктивность военной коммуникации, которая является одним из видов языкового общения. Поэтому, например, формальное общение, которое имеет два подтипа – вертикальное и горизонтальное (между военнослужащими одной структурной ниши и на одном уровне иерархии) – может осуществляться как письменно, так и устно и может иметь несколько функций: информационную, мотивационную, регулятивную и другие.

Язык – это тонко сочлененный аппарат для формирования идей, ценностей, отношений, идеологии, мировоззрения в то, что в лингвистике называется дискурсом. Если углубиться в понятие дискурса, то можно внедрить и социокультурный контекст, в котором он существует, что позволяет транслировать особые идеи, ценности социума, к которому принадлежит дискурс [10].

Социальная структура и значение дискурса определяет его отношение к определенному обществу в социокультурном и политическом контексте. Поэтому, в данных условиях мы можем говорить о военном дискурсе, характерных для него особенностях структуры и моделей, жанре, стиле, об особенностях языка, восприятия и донесения информации, подчеркивая то, что военный дискурс формируется и регулируется контекстом, идеологией и особой организацией общения.

Таким образом, военный дискурс представляет собой сложную систему, представляющую особый интерес для описания в лингвистическом аспекте, чему посвящён следующий параграф.

1.2.2. Военный дискурс как предмет лингвистического описания

Военный дискурс в качестве предмета лингвистического описания рассматривается в работах многих исследователей. Военный дискурс как предмет лингвистического описания привлекает внимание учёных в разных аспектах исследования: культурологическом, философском, историческом, политическом, рекламном, лингвистическом, педагогическом и др. Как известно, главным критерием дискурса вообще выступает особая языковая среда, в рамках которой происходит создание соответствующих языковых конструкций. В контексте данного понимания, дискурс – это речь погруженная в жизнь, то есть лексика, семантика, прагматика и синтаксис, которые находят свое проявление в коммуникации и текстах и с помощью которых происходит лингвистическая репрезентация различных компонентов определённого дискурса, а в рамках данного исследования мы говорим о компонентах военного дискурса.

Среди составляющих военного дискурса особое место занимают мифологемы, поскольку они являются ретрансляторами состояния общественного сознания, общественной психологии, в котором

зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. Мифологемы фиксируют порядок вещей и служат концептуальным обоснованием поведения в данном обществе. Примечательно, что мифологемы, являющиеся доминантными в военном дискурсе, отражают ценностный аспект русской языковой картины мира.

Военный дискурс представляет собой особый вид речевой организации картины мира военнослужащих [13; 49; 50] и имеет ряд характеристик, которые для всех типов институционального дискурса определены перечнем критериев [50], включающих участников, цели (первые две К.А. Наумова и Т.Н. Хомутова выделяют как основные [15, с. 49–53]), хронотоп, ценности, стратегии (совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего), материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы (в военном дискурсе это «сухой» язык, в котором преобладают клише и уставные формулировки, общепринятые команды и т. д.). Общие лингвистические отличия военного дискурса от других видов институционального дискурса заключаются в императивности, четкости и логичности излагаемой мысли, клишированности и стандартизованности моделей построения текста, компрессивности информации, а также в наличии определенного адресата [31; 38; 45; 46; 47]);

2) *лексические* – разнообразие военной терминосистемы (*розыск, оперативный, главнокомандующий, перехват, передатчик, позывные, радист, капитан, радиограмма, тыл*);

3) *синтаксические* – преобладание конструкций в страдательном залоге (выход рации фиксировался), применение параллельных конструкций (длина рабочей волны передатчика соответствует..., перемещение передатчика соответствует...), обилие неполных (*Срочно! Полякову*), эллиптических (*Полякову. Записанный перехват – радиограмма. Рабочая частота рации*

4627 килогерц) и клишированных предложений (*Сегодня, 13 августа 1944 года; О ходе розыска докладывайте каждые сутки*).

Лингвистические характеристики, которыми обладают тексты информационного содержания, можно разделить по следующим уровням языка:

1) *морфологический* – преобладание творительного падежа (декретом Совнаркома РСФСР, пиком карьеры, славен блестящими наступательными операциями, разгромами врага, набеге небольшими силами, считается образцовым отступлением, замечательным стратегическим марш-маневром, со своим 60-тысячным войском), многообразие слов, образованных сложением (контрразведка, двухнедельный, высококвалифицированный), приставочным способом словообразования (прифронтовой), наречия (первоначально), отсутствие разнообразия временных форм глагола;

2) *лексический* – разнообразие военной терминосистемы (генерал, наступление, кампания, операция, открытый бой, сражения, атака, марш-маневр), оценочная лексика (смелые набеге, небольшие силы, все равно, менее всего);

3) *синтаксический* – преобладание пассивных конструкций, СПП, ССП.

Анализ текстов письменного военного дискурса показал, что тексты, регламентирующие деятельность вооруженных сил, более клишированные на всех уровнях языка; в свою очередь, группа текстов информационного содержания отличается присутствием оценочной лексики, СПП, ССП. Все военные тексты характеризуются разнообразием военной терминосистемы. Однако военные мифологемы находят репрезентацию практически во всех текстах военного дискурса. Исключение составляют тексты научно-технического характера.

Существует крайне ограниченное количество исследований, содержащих лингвистическое описание военных материалов на русском языке. Мы провели лингвистический анализ текстов разных жанров русского военного дискурса: письменного формального, устного формального и устного неформального.

Выбор источников (текстов) осуществлялся с учетом следующих критериев: доступность материалов; тематическое единство; наличие всех жанров ВД в рамках одной тематики; разнообразие видов войск, представленных в текстах; соответствие лексики текстов активному и пассивному словарю иностранных военнослужащих, владеющих русским языком на элементарном уровне; небольшой объем текстов.

Тексты отбирались из различных источников: из книги В. Богомолова «Момент истины», фильмов «В бой идут одни старики», «Диверсант», «В августе 44-го». В выбранных источниках были представлены образцы всех исследуемых жанров ВД. Всего было отобрано 27 текстов, из них 4 текста регламентировали деятельность вооруженных сил (письменный ВД), 10 текстов информационного содержания (письменный ВД), 8 текстов формального устного дискурса, 5 текстов неформального устного дискурса.

Анализ формального письменного дискурса показал, какими лингвистическими характеристиками отличается каждый вид данного жанра ВД. Лингвистические характеристики, которыми обладают тексты, регламентирующие деятельность вооруженных сил, можно разделить по следующим уровням языка:

1) морфологические – преобладание дательного падежа при адресации приказа, направлении действия (начальнику, Полякову, отступить к плацдарму), многообразии сложных слов, в частности образованных сложением (спецсообщение, главнокомандующий), аббревиатуры (ВЧ), обилие наречий (вторично, непосредственно, срочно), причастий.

Результаты анализа формального устного дискурса показали, какими лингвистическими характеристиками он обладает. Лингвистические характеристики данного жанра ВД можно разделить по следующим уровням языка:

1) морфологический – разные виды императивов (пусть разведчики ищут рацию, помолчи, взять высоту, бейтесь, отведешь, Колтыгина ко мне! Давай карту. Садись), обилие наречий (предельно, предположительно, лично); слова, образованные сложением (вещмешок, сухпай);

2) лексический – обращение на «ты» к младшим по званию, клишированная лексика (по назначению), разговорная лексика (запутали, малость, сперли, блудили, ладно, небось, прощупай, деть, девать), разговорные частицы (а, ну, что ли, ну вот, че-то, ну ладно), ирония (нечего сказать, разведчики!; Молодцы, удалцы!), метафора (трибуналом пахнет; пройду как у себя дома), эмоциональноэкспрессивная лексика (черть и что), профессиональные жаргонизмы (мессер – мессершмит, зенитка – зенитное оружие, хлопнуть – обстрелять, уничтожить, убить; пополнение – дополнительные силы), разговорная фразеология (без фокусов);

3) синтаксический – преобладание простых и неполных предложений (Помолчи! Будем осматривать лес. Сбор у Шиловичей. Будьте предельно осторожны. Там указано), наличие рефлексии (Есть! Есть передать! Виноват), восклицательные предложения (Там такое творилось!...), конструкция «у нас» (какого ты у нас года рождения; как у нас с языком), инверсия (А сидр твой где?).

Результаты анализа неформального устного дискурса показали, какими лингвистическими характеристиками он обладает. Лингвистические характеристики данного жанра ВД можно разделить по следующим уровням языка:

1) морфологический – отсутствие разнообразия временных форм глагола;

2) лексический – сравнение (150 танков не коробка спичек), поговорки (отыскать иголку в стоге сена), разговорная фразеология (тонкое жизненное наблюдение, все это фактики в мире галактики, дырка от баранки, носом землю рыли, не лезь в бутылку), оценочная лексика (малость), разговорные частицы (да, ну, ну ладно), ирония (ну ладно, ты, гвардеец), эпитеты (мутный человек), лексическое образование (давай-давай).

Сложные слова: *спецсообщение, сухпай, вещмешок, опергруппа*. Для работы с лексикой предлагаем также использовать послетекстовые задания, в которых нужно, например, прочитать или прослушать текст и найти военную лексику. С целью формирования знаний синтаксических особенностей военных текстов предлагаем выполнить задания на преобразование активных конструкций в пассивные; задания на поиск заданных конструкций в тексте (например, поиск неполных предложений).

Если отличие письменного от устного дискурса очевидно, то для распределения текстов устного неформального и устного формального военного дискурса критериями стали параметры коммуникативной ситуации: зависимость от ситуации общения, от предмета обсуждения, от статуса коммуникантов относительно друг друга, а также учет разной рефлексии младших по званию.

К характеристикам военного дискурса относятся следующие:

- 1) для всех жанров характерно частотное использование наречий;
- 2) тексты письменного военного дискурса характеризуются частым использованием терминологии;
- 3) неформальный ВД в своей основе содержит речевое общение и включает армейский сленг, изобилует жаргонизмами и арготизмами, экспрессивностью высказываний и образностью;

4) как письменный, так и устный формальный ВД характеризуется обилием лексики военно-терминологической системы, клишированностью, которая возникает в результате стремления к сжатости и краткости.

1) обращение на «ты» к младшим по званию; 2) устный ВД многогранен; в коммуникативном акте между разными по званию военнослужащими языковые средства, присущие разговорному стилю речи, могут встречаться как у старших, так и у младших по званию в зависимости от дискурсивной ситуации, т. е. можно говорить об использовании разных видов устного дискурса коммуникантами с разными званиями в одном акте общения и о появлении смешанного дискурса; 3) выбор лингвистических средств зависит от дискурсивной ситуации.

Проведя лингвистический анализ текстов устного ВД, первоначально по параметрам коммуникативной ситуации отнесенных к двум группам (формальному и неформальному дискурсу), мы установили, что в процессе устной коммуникации участников с разными званиями происходит смешение формального и неформального дискурсов. В связи с этим трудность вызывает необходимость провести грань между устным формальным и неформальным – простые, односоставные предложения (Немцы. Вполне. Всего лишь. И не более), клишированные конструкции (танков не обнаружено, как только – сразу), наличие рефлексии (понял), инверсия (тебе вода нужна?).

Таким образом, анализ показал, что распределение текстов устного ВД на формальный и неформальный недостаточно и что необходимо выделить смешанный вид устного ВД помимо строго формального и неформального. Ниже мы предприняли попытку выделить несколько видов устного ВД на основании разных дискурсивных ситуаций: всем участникам дискурсивной ситуации допускается использовать элементы неформального устного ВД. Задания, ориентированные на формирование навыков использования

устного дискурса, характеризуются наглядностью, образностью, наличием аудио- или видеоряда военной тематики. В заданиях используются видеоматериалы: аутентичные художественные, документальные фильмы о войне; песни, изображения, фигурки солдатиков и военной техники и др. В качестве одного из вариантов заданий, направленных на изучение императивов, предлагаем задание на распознавание императивов на слух, в ходе которого необходимо просмотреть фрагмент военного фильма, найти императивы и предложить свои варианты приказов.

Использование императивов в приказах отрабатывается при выполнении заданий, в которых нужно прослушать аудиофрагменты и формальным ВД на русском языке. Сложность усиливается тем, что разговорная русская речь изобилует средствами выразительности, образности, эмоционально окрашенной лексикой. Они проникают и в разговорную речь военнослужащих.

Лингвистический анализ текстов военного дискурса указывает на его неоднозначность, сложность, наличие факторов идеологизации и мифологизации.

1.2.3. Мифологемы как компоненты военного дискурса

Мифологемы являются важной составляющей военного дискурса. Военный дискурс как предмет лингвистического описания привлекает внимание учёных в разных аспектах исследования: культурологическом, философском, историческом, политическом, рекламном, лингвистическом, педагогическом и др. Как известно, главным критерием дискурса вообще выступает особая языковая среда, в рамках которой происходит создание соответствующих языковых конструкций. В контексте данного понимания, дискурс – это речь погруженная в жизнь, то есть лексика, семантика, прагматика и синтаксис, которые находят свое проявление в коммуникации и

текстах и с помощью которых происходит лингвистическая репрезентация различных компонентов определённого дискурса, а в рамках данного исследования мы говорим о компонентах военного дискурса.

Среди составляющих военного дискурса особое место занимают мифологемы, поскольку они являются ретрансляторами состояния общественного сознания, общественной психологии, в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. Мифологемы фиксируют порядок вещей и служат концептуальным обоснованием поведения в данном обществе. Примечательно, что мифологемы, являющиеся доминантными в военном дискурсе, отражают ценностный аспект русской языковой картины мира.

Вторая мировая и особенно Великая Отечественная война, по сути, являлись столкновением «традиционного и индустриального» миров, когда в таких странах, как Германия и СССР, власть оказалась в руках идеократически настроенных групп, выходцев из непривилегированных и относительно малообразованных слоев населения. Ими был установлен своеобразный «новый теократический режим», когда диктатор одновременно являлся и главным «жрецом» укомплектованной обязательными массовыми ритуалами утопической идеологии-религии. Если германская идеология обосновывала захват новых территорий лишь в Восточной Европе, Северной Африке и Передней Азии, то аппетиты советской номенклатуры были более масштабны: как доказывали многочисленные специалисты по классовой борьбе (а ныне знатоки нюансов «столкновения цивилизаций» и прочих культурологических проблем), коммунизм под началом СССР должен был «победить» во всем мире...

«Всеохватывающие» идеологические мифы XX в. схожи с древними и средневековыми религиозными системами, в рамках которых «другому» в картине мира сначала отводилось определенное место, а затем

предпринимались все доступные, вплоть до военных, действия по приведению реальности в соответствие с религиозными конструкциями (вспомним, например, обоснование монгольских завоевательных походов). Однако воплощение в жизнь тогдашних «идеологических» фантазий осуществлялось при помощи мечей, сабель, луков и стрел, тогда как идеологические грезы XX в. подкреплялись танками, пушками, снарядами, самолетами, а позже и атомным оружием.

Во время Второй мировой войны наибольшее количество человеческих жертв повлекло за собой столкновения именно между идеократическими режимами, живущее в большинстве своем еще традиционным сознанием население испытало глубокий шок от результатов соединения разрушающей силы современного оружия и современных же квазирелигиозных идеологов. Результатом шока стала обширная психологическая травма, эмоциональный заряд которой, как оказалось позднее, стал активно использоваться для конструирования травмы исторической у следующих, не воевавших поколений и формирования у них комплексов исторической вины и ответственности.

В современной России эти психологические комплексы стали основой идеологии, которая, как и в предвоенный период, опирается на мировоззрение «глубинного народа» (удачное выражение В. Суркова [3]) и опять «сцепляется» с новейшими достижениями индустриального развития (наглядным примером тому является известное выступление А. А. Проханова в 2014 г. в военно-воздушной части г. Энгельса Саратовской области на фоне способного нести ядерные заряды ракетносца «Изборск»: «Произошло слияние машины и человека — то, о чем я мечтал всю свою жизнь, одухотворение машины»; английские и американские «летчики в свои окуляры вдруг видят (на самолете. — А. О.) эту надпись: “Изборский клуб”, эту эмблему») [1]. Краеугольным камнем современной российской идеологии стала «Великая Победа», сочетающая в себе известные черты мифа: спасение

мира от хаоса, установление нового миропорядка и желание во что бы то ни стало его сохранить, несмотря на изменившиеся за 75 лет обстоятельства. Потребителем этого мифа стал упоминавшийся «глубинный народ», и потому конфигурация мифического конструирования должна соответствовать запросам массового сознания, его обыденно-моральному пониманию окружающего мира в синкретическом единстве прошлого, настоящего и будущего. В этом дискурсе категории вины и ответственности играют важнейшее значение, что открывает серьезные научные перспективы их изучения методологическим инструментарием социально-политической антропологии [13, 217–246].

Определимся, что в данной статье «Великая Победа» — это основанный на исторических фактах комплекс исторических, политических, религиозных и общемировоззренческих представлений, выражающихся в практических действиях во внутренней и внешней политике государства и инициативах гражданского общества, материальными носителями которого являются как места памяти (памятники советским солдатам, парки Памяти и т. д.), так и другие источники информации о войне (книги публицистического и научного характера, документальные и художественные фильмы и т. д.). В 2020 г. в связи с соответствующей поправкой в Конституцию «Великая Победа» приобрела и строго очерченные юридические рамки, что объективно затруднило основанное на научной логике изучение самих событий 1941–1945 гг., но вместе с тем сделало память о них интереснейшим объектом исследований.

Благодаря энергичным и планомерным усилиям государства «Великая Победа» оказалась неотъемлемой частью жизни современных россиян; вернее, граждане Российской Федерации осознают себя россиянами во многом благодаря «Великой Победе». Конструирование общенациональной идентичности — цель вполне рациональная и находится в сфере интересов модернизирующегося государства.

Вместе с тем обеспечивающие такую идентичность образы почти повсеместно носят в разной степени мифический, иррациональный характер. В случае «Великой Победы» категория «миф» означает не фальсификацию истории, а совокупность собранных для определенных политических нужд фактов, и если в этот фактологический ряд «вкрапляется» размывающая общий каркас информация, то ожидаемый политический эффект оказывается минимальным, и потому распространение нежелательной информации государством обычно «купируется». Действительно, с политической точки зрения конструирующие общенациональную идентичность образы «должны» обладать значительной иррациональной «архетипической» составляющей, в противном случае стремление к логической непротиворечивости может стать поводом для бесконечных дискуссий и их неприятия обывателем, которому «некогда разбираться, кто прав, а кто виноват».

В процессе научного анализа коммеморативного аспекта «Великой Победы» очень важно не отождествлять объект и методологию исследования, иначе место методологических оснований могут занять наборы ситуативных установок, которые будут «подтверждаться» специально отобранным эмпирическим материалом (примером такого подхода может служить монография авторов из Казани о якобы научных основах развития патриотизма в вузах: в первой части вместо обстоятельного разбора методологии содержатся рассуждения о том, «что есть Россия?», о «характерных чертах русской ментальности», «духовной безопасности», т. е. обо всем том, что и является содержанием мифа; в следующей части издания проблема рассматривается в идеологическом измерении, здесь присутствует подраздел «Бои после Победы»; в заключительной части представлены технологии практического развития патриотизма в вузовской среде) (7, 3, 4).

«Великую Победу» продуктивно изучать в рамках модернизационного подхода (популярный ныне в России так называемый «цивилизационный подход» содержит в себе многочисленные неverified составляющие

[19, с. 96], и потому в контексте статьи он сам должен стать объектом изучения, что, в силу возможностей автора, будет продемонстрировано ниже).

В координатах теории модернизации [16, с. 217–246] «Великая Победа» иррациональными способами обеспечивает мобилизацию российского социума для решения задач дальнейшего догоняющего развития. Примеры современных развитых стран, особенно прошедших стадии корпоративного государственно-монополистического капитализма, свидетельствуют о том, что в подобных идеологиях значительную роль играют домодерные архетипические образы. Эпоха модерна совпадает с секуляризацией и приходом на политическую арену социальных групп, которые до этого не имели политического голоса и осмысливали окружающий мир категориями «низкой» «народной» культуры. Именно эти страты населения были «потребителями» (нео)языческих по своему характеру идеологий, в которых определяющую роль играли стоящие над человеком высшие силы (что типично для так называемой «традиционной культуры»). В российском случае такой сакральной силой стал олицетворяемый государством явно архетипический образ «Родины-матери», «Отечества».

В современной России сложился синкретический (нео)языческий культ государства, в который на правах подчиненных религиозно-политических учений включены «традиционные религии» [14, с. 354-355]. Одним из наиболее значимых воплощений этого культа является «Великая Победа» [4]. Исследователи не раз отмечали связанные с культом предков религиозные (нео)языческие коннотации «Бессмертного полка» [2, с. 98]. Циклически повторяющиеся из года в год и связанные с памятью о войне календарные ритуалы по сакральной наполняемости и организации напоминают циклы христианских праздников. «Священный» характер войны и памяти о ней активно пропагандируется современными идеологами, выражающими не

свое личное, а некое коллективное мнение («...для нас — Советского Союза, всего народа и каждой семьи — война была не только Отечественной, но и священной. Ни одну войну в России не называли Священной. Такое восприятие нашествия мирового фашизма вылилось в форму выполнения каждым своего сакрального долга. Вот что стало источником духа выдержки, терпения и Победы армии и тыла, народа и страны») [14; 39; 43].

Таким образом, среди составляющих военного дискурса особое место занимают мифологемы, поскольку они являются ретрансляторами состояния общественного сознания, общественной психологии, в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. Мифологемы фиксируют порядок вещей и служат концептуальным обоснованием поведения в данном обществе. Примечательно, что мифологемы, являющиеся доминантными в военном дискурсе, отражают ценностный аспект русской языковой картины мира.

Выводы по главе I

В первой главе, посвящённой теоретическим аспектам изучения мифологем в военном дискурсе, были рассмотрены определения и объём понятия мифологемы, типология мифологем, описана структура военного дискурса, рассмотрен военный дискурс в контексте лингвистического описания, мифологемы были проанализированы в качестве компонентов военного дискурса.

В результате теоретической части магистерской диссертации нами был сделан ряд выводов, которые приведены ниже.

1. Термин мифологема обозначает конкретную интерпретацию универсальной модели коллективного бессознательного (архетипа) в любой форме человеческой деятельности с широким набором функций. Для этой интерпретации характерны отсутствие фабульности, ретроспективность и региональные особенности. Особенности мифологемы определяется широкий набор функций, которые она выполняет.
2. Коммуникативными функциями мифологемы являются следующие: познавательная (алогично-эвристическое объяснение причин мироустройства), аксиологическая (передачу необходимых для развития социума духовных ценностей), регулятивная (образ запрета-разрешения в социуме), эстетическая (сохранение нарративной традиции и выразительных возможностей языковой и фольклорной архаики).
3. Военный дискурс как предмет лингвистического описания привлекает внимание учёных в разных аспектах исследования: культурологическом, философском, историческом, политическом, рекламном, лингвистическом, педагогическом и др. Как известно, главным критерием дискурса вообще выступает особая языковая среда, в рамках которой происходит создание соответствующих

языковых конструкций. В контексте данного понимания, дискурс – это речь погруженная в жизнь, то есть лексика, семантика, прагматика и синтаксис, которые находят свое проявление в коммуникации и текстах и с помощью которых происходит лингвистическая репрезентация различных компонентов определённого дискурса, а в рамках данного исследования мы говорим о компонентах военного дискурса.

4. Среди составляющих военного дискурса особое место занимают мифологемы, поскольку они являются ретрансляторами состояния общественного сознания, общественной психологии, в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. Мифологемы фиксируют порядок вещей и служат концептуальным обоснованием поведения в данном обществе. Примечательно, что мифологемы, являющиеся доминантными в военном дискурсе, отражают ценностный аспект русской языковой картины мира.

Глава II. Особенности лингвистической репрезентации мифологем в военном дискурсе

2.1. Средства лингвистической репрезентации мифологемы «русский солдат» в военном дискурсе

Мифологема офицерской чести сопряжена с репрезентацией мифологемы «русский солдат». Мифологема «русский солдат» получает лингвистическую репрезентацию в нескольких содержательных сферах, в рамках которых мы выделили три ключевых фактора:

- 1) взаимосвязь армии и культуры;
- 2) ценностную составляющую военных понятий в контексте соответствующей сферы;
- 3) особенности объективации образа русского солдата сквозь призму значимого для русской национальной картины мира ценностно-мировоззренческого компонента военной сферы.

Для русской культуры и русской армии характерна их тесная взаимосвязь. Свидетельством тому служат устное народное творчество (образы былинных богатырей, витязей, русского солдата, служивого и др.), художественная литература (творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А. Твардовского, К. Симонова и др.), музыка («В землянке», «Тёмная ночь» и др.), кинематограф (фильмы «Офицеры», «Сталинград» и др.), живопись (картины В.В. Верещагина, И. Репина, П.А. Кривоногова и др.), скульптура, архитектура, агитационные плакаты Великой Отечественной войны и др. При этом важно подчеркнуть сквозной характер и значимость образа русского солдата в произведениях разных видов и жанров искусства.

Фактор взаимосвязи русской армии и русской культуры чётко проявляется в языковом аспекте. Дефиниции лексических единиц воинская честь, достоинство, отвага, героизм, подвиг, воинские почести, боевые

традиции, патриотизм и другие представлены в словарях военных терминов. Ценностный потенциал данной лексики отражён в тексте Военной присяги и положениях воинских уставов. Например: «Военнослужащие должны постоянно служить примером высокой культуры, скромности и выдержанности, свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и уважать достоинство других. Они должны помнить, что по их поведению судят не только о них, но и о Вооруженных Силах в целом» (из воинских уставов). Как показал анализ различных лексикографических дефиниций, анализируемые лексические единицы образуют особый кластер: их семантические признаки в полной мере реализуются в контексте репрезентации военных реалий и ситуаций: поведение воина в бою (при наступлении, обороне), военных манёврах, в быту, при необходимости сделать выбор, расставить приоритеты и т.д. Перечисленные выше лексические единицы входят в ценностно-мировоззренческое поле военной сферы, выступают в качестве репрезентантов мифологемы «русский солдат», поскольку он – главное действующее лицо в ситуациях данной сферы. Многие из лексем не ограничиваются словарными дефинициями. Они приобретают в языковой картине мира символические смысловые оттенки и являются ментальными концептами, которые составляют идейный фон военной концептосферы и значимый культурный код России.

Таким образом, анализируемые феномены в репрезентации мифологемы «русский солдат» являются трансляторами ценностно-мировоззренческого потенциала русской военной картины мира. Данный потенциал реализуется через должествующе-обязывающую, учебно-боевую, материально-техническую и эмоционально-ценностную содержательные сферы репрезентации мифологемы «русский солдат», основу которых составляют следующие признаки данной мифологемы:

- 1) русский солдат – защитник Родины и патриот;
- 2) стойкий, целеустремлённый и храбрый воин;

- 2) обладающий боевым духом и силой воли;
- 3) соблюдающий законы и живущий по воинским уставам;
- 4) бережно относящийся к амуниции;
- 5) проявляющий смекалку и сообразительность;
- 6) тот, кто чтит воинские традиции и ритуалы.

Данные признаки являются значимыми маркерами военной картины мира и вписываются содержательные сферы, каждая из которых транслирует ценностно-мировоззренческую доминанту этой картины мира сквозь призму национально-культурных представлений об образе русского солдата; в-третьих, в репрезентации мифологемы участвует разноуровневая лексика – от специальных терминов до культурно маркированных единиц:

1. Долженствующе-обязывающая сфера. Основу данной сферы составляют: а) семантические оппозиции «командир – подчинённый», «офицер – рядовой», которые отражены в наименованиях званий в военной иерархической структуре; б) этикетные языковые элементы («*Есть!*», «*Так точно!*» и др.); в) ситуации и виды действий, регламентированных содержанием военных уставов, специальных военных документов и назначением этих документов (например: приказ, приказание, задача и т.п. в сочетании с прилагательными военный, боевой и др. и с глагольными сочетаниями: *отдавать (приказ)*, *выполнять приказ*, *принять к исполнению* и др. в сочетании с лексемами *военный*, *воинский*, *боевой* и др.

Эмоциональная сфера представлена репрезентантами морально-психологического состояния воина, его поведения в различных ситуациях: русский солдат: стойкий, непобедимый, находчивый, ловкий, решительный, смелый.

Ценностно-смысловая сфера мифологемы представлена маркерами ценностной картины мира военнослужащего – понятиями «долг», «честь», «доблесть», «патриотизм», «воинский подвиг», «героизм», «мужество», «воинские/боевые традиции» и др.

Вышеперечисленные характеристики отражены и в текстах различного характера: в произведениях художественной литературы, в рекламе, в агитационных плакатах, в медиапространстве, в паремиологической картине мира, во фразеологии. Например: «Присяга бойца – за Родину стоять до конца», «Кто хорошо военное дело знает, тот в бою побеждает», «В знамени – твоя честь, в оружии – слава», «Стойкий и умелый воин – хозяин на поле боя», «Бой отвагу любит».

В их репрезентативный ресурс в идиоматике и поговорках. «Василий Тёркин»); «Во время блокады военное мастерство сравнилось. Наши солдаты, голодные, плохо обеспеченные снарядами, удерживали позиции в течение всех 900 дней, против сытого, хорошо вооруженного врага уже в силу превосходства духа» (Д. Гранин. «Мой лейтенант»); «Водители машин! Бесперебойно, быстро и в срок, без поломок и аварий доставляйте грузы на фронт», «Ждите с победой», «В победных боях на орловском направлении героически действовали наши сапёры...» (из плакатов Великой Отечественной войны); «В День защитника Отечества мы вспомним о пяти наших современниках, совершивших подвиги. Они не искали славы и почестей, а просто до конца исполняли свой долг» (Герои нашего времени. Пять историй о людях, шагнувших в бессмертие // «Аргументы и факты», 22.02.2013 г.).

2.2. Средства лингвистической репрезентации мифологемы «Великая Победа» в военном дискурсе

«Великая Победа» рассматривается исследователями как термин. В данном термине констатируется его мифический и квазирелигиозный характер. Мифологема «Великая Победа» является чрезвычайно распространённой среди населения со значительными пластами архаического мировоззрения и ее инструментальное использование в политико-идеологических целях.

Вторая мировая война унесла десятки миллионов жизней, и потому воспоминания о ней, привлекающие все большее внимание исследователей ([43; 45; 49; 50]), не могут не содержать мотивы исторической вины и ответственности. Первоначально эти проблемы являлись логическим продолжением военной пропаганды воюющих сторон, затем стали важными составляющими политики памяти победителей и побежденных. Как военная пропаганда, так и содержание политики памяти были направлены на конструирование актуальных мифов, которые активно использовались в текущей обстановке для обоснования тех или иных действий властей (а иногда и сами эти практические шаги являлись результатом укорененности мифа).

Созданный усилиями интеллектуальной элиты и деятелей культуры мифический продукт предназначался прежде всего для массового сознания, и потому в нем логично обнаружить архаические мотивы, которые делали вину и ответственность еще более эмоционально насыщенными, создавали примитивный исторический нарратив «объяснения» причин военного столкновения, жестокости врага и, что важно в контексте статьи, причин, по которым бывший враг должен испытывать чувство вины и нести определяемую победителем ответственность.

Вторая мировая и особенно Великая Отечественная война, по сути, являлись столкновением «традиционного и индустриального» миров, когда в таких странах, как Германия и СССР, власть оказалась в руках идеократически настроенных групп, выходцев из непривилегированных и

относительно малообразованных слоев населения. Ими был установлен своеобразный «новый теократический режим», когда диктатор одновременно являлся и главным «жрецом» укомплектованной обязательными массовыми ритуалами утопической идеологии-религии. Если германская идеология обосновывала захват новых территорий лишь в Восточной Европе, Северной Африке и Передней Азии, то аппетиты советской номенклатуры были более масштабны: как доказывали многочисленные специалисты по классовой борьбе (а ныне знатоки нюансов «столкновения цивилизаций» и прочих культурологических проблем), коммунизм под началом СССР должен был «победить» во всем мире...

«Всеохватывающие» идеологические мифы XX в. схожи с древними и средневековыми религиозными системами, в рамках которых «другому» в картине мира сначала отводилось определенное место, а затем предпринимались все доступные, вплоть до военных, действия по приведению реальности в соответствие с религиозными конструкциями (вспомним, например, обоснование монгольских завоевательных походов). Однако воплощение в жизнь тогдашних «идеологических» фантазий осуществлялось при помощи мечей, сабель, луков и стрел, тогда как идеологические грезы XX в. подкреплялись танками, пушками, снарядами, самолетами, а позже и атомным оружием.

Во время Второй мировой войны наибольшее количество человеческих жертв повлекло за собой столкновения именно между идеократическими режимами, живущее в большинстве своем еще традиционным сознанием население испытало глубокий шок от результатов соединения разрушающей силы современного оружия и современных же квазирелигиозных идеологов. Результатом шока стала обширная психологическая травма, эмоциональный заряд которой, как оказалось позднее, стал активно использоваться для конструирования травмы исторической у следующих, не воевавших

поколений и формирования у них комплексов исторической вины и ответственности.

В современной России эти психологические комплексы стали основой идеологии, которая, как и в предвоенный период, опирается на мировоззрение «глубинного народа» (удачное выражение В. Суркова [3]) и опять «сцепляется» с новейшими достижениями индустриального развития (наглядным примером тому является известное выступление А. А. Проханова в 2014 г. в военно-воздушной части г. Энгельса Саратовской области на фоне способного нести ядерные заряды ракетносца «Изборск»: «Произошло слияние машины и человека — то, о чем я мечтал всю свою жизнь, одухотворение машины»; английские и американские «летчики в свои окуляры вдруг видят (на самолете. — А. О.) эту надпись: “Изборский клуб”, эту эмблему») [1]. Краеугольным камнем современной российской идеологии стала «Великая Победа», сочетающая в себе известные черты мифа: спасение мира от хаоса, установление нового миропорядка и желание во что бы то ни стало его сохранить, несмотря на изменившиеся за 75 лет обстоятельства. Потребителем этого мифа стал упоминавшийся «глубинный народ», и потому конфигурация мифического конструирования должна соответствовать запросам массового сознания, его обыденно-моральному пониманию окружающего мира в синкретическом единстве прошлого, настоящего и будущего. В этом дискурсе категории вины и ответственности играют важнейшее значение, что открывает серьезные научные перспективы их изучения методологическим инструментарием социально-политической антропологии [13, 217–246].

Определимся, что в данной статье *«Великая Победа»* — это основанный на исторических фактах комплекс исторических, политических, религиозных и общемировоззренческих представлений, выражающихся в практических действиях во внутренней и внешней политике государства и инициативах гражданского общества, материальными носителями которого

являются как места памяти (памятники советским солдатам, парки Памяти и т. д.), так и другие источники информации о войне (книги публицистического и научного характера, документальные и художественные фильмы и т. д.). В 2020 г. в связи с соответствующей поправкой в Конституцию «Великая Победа» приобрела и строго очерченные юридические рамки, что объективно затруднило основанное на научной логике изучение самих событий 1941–1945 гг., но вместе с тем сделало память о них интереснейшим объектом исследований.

Благодаря энергичным и планомерным усилиям государства «Великая Победа» оказалась неотъемлемой частью жизни современных россиян; вернее, граждане Российской Федерации осознают себя россиянами во многом благодаря «Великой Победе». Конструирование общенациональной идентичности — цель вполне рациональная и находится в сфере интересов модернизирующегося государства.

Вместе с тем обеспечивающие такую идентичность образы почти повсеместно носят в разной степени мифический, иррациональный характер. В случае «Великой Победы» категория «миф» означает не фальсификацию истории, а совокупность собранных для определенных политических нужд фактов, и если в этот фактологический ряд «вкрапляется» размывающая общий каркас информация, то ожидаемый политический эффект оказывается минимальным, и потому распространение нежелательной информации государством обычно «купируется». Действительно, с политической точки зрения конструирующие общенациональную идентичность образы «должны» обладать значительной иррациональной «архетипической» составляющей, в противном случае стремление к логической непротиворечивости может стать поводом для бесконечных дискуссий и их неприятия обывателем, которому «некогда разобраться, кто прав, а кто виноват» (см. опыт 1990-х гг.).

В процессе научного анализа коммеморативного аспекта «Великой Победы» очень важно не отождествлять объект и методологию

исследования, иначе место методологических оснований могут занять наборы ситуативных установок, которые будут «подтверждаться» специально отобранным эмпирическим материалом (примером такого подхода может служить монография авторов из Казани о якобы научных основах развития патриотизма в вузах: в первой части вместо обстоятельного разбора методологии содержатся рассуждения о том, «что есть Россия?», о «характерных чертах русской ментальности», «духовной безопасности», т. е. обо всем том, что и является содержанием мифа; в следующей части издания проблема рассматривается в идеологическом измерении, здесь присутствует подраздел «Бои после Победы»; в заключительной части представлены технологии практического развития патриотизма в вузовской среде) (7, 3, 4).

«Великую Победу» продуктивно изучать в рамках модернизационного подхода (популярный ныне в России так называемый «цивилизационный подход» содержит в себе многочисленные неverifiedируемые составляющие [19, с. 96], и потому в контексте статьи он сам должен стать объектом изучения, что, в силу возможностей автора, будет продемонстрировано ниже).

В координатах теории модернизации [16, 217-246] «Великая Победа» иррациональными способами обеспечивает мобилизацию российского социума для решения задач дальнейшего догоняющего развития. Примеры современных развитых стран, особенно прошедших стадии корпоративного государственно-монополистического капитализма, свидетельствуют о том, что в подобных идеологиях значительную роль играют домодерные архетипические образы. Эпоха модерна совпадает с секуляризацией и приходом на политическую арену социальных групп, которые до этого не имели политического голоса и осмысливали окружающий мир категориями «низкой» «народной» культуры. Именно эти страты населения были «потребителями» (нео)языческих по своему характеру идеологий, в которых определяющую роль играли стоящие над человеком высшие силы (что

типично для так называемой «традиционной культуры»). В российском случае такой сакральной силой стал олицетворяемый государством явно архетипический образ «Родины-матери», «Отечества».

В современной России сложился синкретический (нео)языческий культ государства, в который на правах подчиненных религиозно-политических учений включены «традиционные религии» [14, 354, 355]. Одним из наиболее значимых воплощений этого культа является «Великая Победа» [4]. Исследователи не раз отмечали связанные с культом предков религиозные (нео)языческие коннотации «Бессмертного полка» [2, 98]. Циклически повторяющиеся из года в год и связанные с памятью о войне календарные ритуалы по сакральной наполняемости и организации напоминают циклы христианских праздников. «Священный» характер войны и памяти о ней активно пропагандируется современными идеологами, выражающими не свое личное, а некое коллективное мнение («...для нас — Советского Союза, всего народа и каждой семьи — война была не только Отечественной, но и священной. Ни одну войну в России не называли Священной. Такое восприятие нашествия мирового фашизма вылилось в форму выполнения каждым своего сакрального долга. Вот что стало источником духа выдержки, терпения и Победы армии и тыла, народа и страны») [18, 9].

Для «Великой Победы» характерна типичная религиозная проблема соотношения веры и разума (показательно отношение министра культуры РФ В. Р. Мединского к сомнениям профессионального историка в реальности «подвига 28 героев-панфиловцев» и его призыв относиться к их биографиям как к «житиям святых») [10]. (Нео)языческие аспекты «Великой Победы» позволяют изучить связанные с ней проблемы представлений о вине и ответственности в заявленных выше методологических рамках социально-политической антропологии. (Нео)языческие культы структурируют окружающий мир согласно законам так называемой «моральной» или «крестьянской» экономики. Экономические, политические, социальные,

семейные, религиозные и другие аспекты, как и в «Великой Победе», здесь разделить невозможно, они синкретически слиты воедино (вспомним известное утверждение, что «война ворвалась в каждый дом, коснулась каждой семьи»). Для такого типа отношений характерны коллективная собственность и неотделимость человека от той общности, в которой он проживает. Для коллективного типа собственности характерны не рыночные (частнособственнические), а дарительные (реципрокные) и перераспределительные (редистрибутивные) отношения [9, 134–285; 12; 17, 68 и т. д.]. Сам факт рождения человека в таком социуме означал, что все его члены должны заботиться о нем, тем самым преподнося дар, который, в свою очередь, персонифицировался с высшими силами. Этот алгоритм воспроизведен в образе «Родины-матери», а так как за подарком всегда следует отдарок, то человек автоматически обязывается действовать во благо своей Родины. На Востоке этот негласный, но осознаваемый всеми моральный договор обычно воплощался в таких отдарках, как обязательные мобилизационные общественные работы и участие в воинских формированиях на стороне правителя. Нежелание предоставлять отдарок грозило нарушением гармонии между объединенными в некую общность людьми и высшими силами, что обуславливало коллективное осуждение и легитимизировало насилие в отношении «неблагодарного». На таких же основаниях в системе «Великой Победы» построено отношение к вине коллаборационистов. Их вина состоит не просто в нелояльности к действующему политическому режиму, а в желании (пусть часто ими и неосознаваемом) разрушить гармоничный миропорядок, в котором нет места вторгшемуся врагу. Поэтому и ответственность за переход на вражескую сторону «должна быть» максимальной, так как перешедшие, нарушив множество моральных обязательств, оказались неблагодарными.

В традиционных обществах практики принесения жертв и чтения молитв были основаны на реципрокно-редистрибутивных принципах.

Высшие силы получали дар и были обязаны исполнять обращенные к ним просьбы, т. е. распределять среди смертных земные блага.

Отсутствие реакции сакральных сил могло спровоцировать избиение «виновных» идолов, падение доверия к своим «провинившимся» богам и переключение внимания на чужих богов. Риторика о «напрасных жертвах» в Великую Отечественную, о вине за это государства и его ответственности, актуализация темы об оказавшихся никому не нужными инвалидах войны, нашумевшая история с журналистским опросом о целесообразности сдачи Ленинграда, обращение в качестве положительного примера к опыту союзников грозит именно такими последствиями, что, видимо, на интуитивном уровне понимают власти и чему всеми доступными средствами оказывают противодействие. Это затрудняет научный анализ ответственности советских властей за преступления против контролируемого ими в годы войны населения. Например, основанная на исследованиях феномена советской номенклатуры и реальных фактах гипотеза о желании властей в ходе кровопролитной битвы за Москву защитить и свои подмосковные дачи и, собственно, город, вряд ли найдет сторонников в отечественной академической сфере и вряд ли будет транслироваться в массовое сознание. Синкретическое восприятие государства и общества объединяет образы властей и Родины, делает власти потенциально непогрешимыми «кормильцами» и «защитниками», критика которых даже сегодня переводит критикующих в разряд «современных власовцев от науки».

«Великая Победа» рисует перед обывателем эпическую картину преодоления хаоса и упорядочивания мира, а гарантом стабильности сложившегося ценою таких огромных жертв космического порядка позиционируется государство, что снимает с него ответственность за возможные напрасные жертвы («нам нужна одна Победа, мы за ценой не постоим», Б. Окуджава). Монополия государства на «Великую Победу»

затрудняет развитие демократии в современной России, так как делает реальную оппозицию морально нелегитимной: здоровой политической конкуренции и дискуссии противопоставляются архаичные обвинения в нарушении принципов дарообмена с предками, даровавшими новым поколениям жизнь ценою своей.

В дискурсе мировой политики, точнее официально транслируемых идеологических представлений о ней, реципрокно-редистрибутивные аспекты «Великой Победы» сводятся к констатации спасения мира от фашистской угрозы ценой огромных жертв и ожидания конкретных уступок-отдарков от спасенных. Декларируемое отсутствие таких отдарков и соответственно возможностей конвертировать их в распределяемые блага позволяет сформировать в массовом сознании мифологему о «неблагодарности» союзников и освобожденных Красной армией стран Восточной Европы. Мотив «вины неблагодарных» активно используется во внешнеполитических целях. Основанные на моральной экономике идеологемы «Великой Победы» вступают в противоречие с «западным» (рациональным и частнособственническим) пониманием прошлого и настоящего окружающего мира, что еще более усугубляет негативные последствия так называемых «войн памяти». Это противоречие законодательно закрепило в 2020 г. с принятием поправки в статью 67 Конституции: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [11]. Исходя из этого текста, ответственность за «неправдивую трактовку» событий Великой Отечественной устанавливается с позиций моральной экономики, а вина конструируется в форме неблагодарности перед предками и сакральными коллективными телами «народ» и «Отечество».

Архаизации связанных с Великой Победой представлений об исторической вине и ответственности способствует широкое

распространение так называемого «цивилизационного подхода», в дискурсе которого основными субъектами прошлого и настоящего оказываются коллективные личности — «цивилизации». На деле образ «цивилизации» часто отождествляется с образами «народа», «Родины» и «Отечества», что «консервирует» вину и ответственность на долгое время и «приписывает» их людям, лично не знакомым, не совершившим в своей жизни ничего плохого, но вовлекаемым через исторический нарратив в эпическое «межцивилизационное» противостояние. Иными словами, цивилизационный подход предоставляет желающим удобный инструмент для упорядочивания реальности в нужном эмоционально заданном векторе с последующим выстраиванием символических границ и конструированием ситуации конфликта между «цивилизациями». Огромный информационный поток вырабатывает у обывателя, с одной стороны, «комплекс превосходства» над «Западом» («западной цивилизацией»), как виновным в «неблагодарности» за спасение от верной гибели от фашизма, с другой — еще более усугубляет длящийся десятилетиями травматический шок от факта смерти на войне десятков миллионов человек. Ставший знаменитым слоган «Можем повторить» свидетельствует об определенном успехе усилий по конструированию мифа о непрерывной войне России с «Западом», в которой Великая Отечественная была лишь отдельным ярким эпизодом («горячей войной», в отличие от идущей сегодня «второй холодной»).

Выше отмечалось, что комплекс «Великой Победы» в том виде, в котором он сегодня репрезентуется, оказывает значительное влияние на те категории населения, в мировоззрении представителей которых сильны архаические пласты. Это часто коррелирует с соответствующим уровнем образования, работой в бюджетных учреждениях («постобщинах» [15]), коллективистским мировоззрением и т. д. Данные социальные группы количественно составляют большинство населения России и в организационно-исполнительном аспекте, безусловно, обеспечивают

успешность многих государственных модернизационных мегапроектов. Однако в качественном отношении локомотивом модернизации являются образованные горожане, стремящиеся работать в частном секторе. В этой социальной среде имеется заказ на преобладание в конструкциях «Великой Победы» рациональных аспектов, в выведении ее за пределы (нео)языческого культа с иррациональными коннотациями вины и ответственности и контролируемые государством моральными обязательствами человека перед предками. Основанием подобных настроений, безусловно, является частнособственническая составляющая. Скорее всего именно данный социальный запрос будет определять вектор эволюции «Великой Победы» в будущем и изменения массовых представлений об исторической вине и ответственности.

2.3. Средства лингвистической репрезентации мифологемы «Великая Отечественная война» в военном дискурсе

Анализ медиадискурса показывает, что история Великой Отечественной войны и День Победы как ее кульминационный момент трансформируются в одну из ключевых официозных мифологем современной России. Под мифологемой в данном случае понимается дискурсивный конструкт, «в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование» [1, с. 126]. Важно отметить, что в основе мифологемы, как правило, лежит фантомный, но при этом освященный традицией денотат, который обладает эмоциональной нагрузкой и богатым манипулятивным потенциалом [см.: 1, с. 126; 6, с. 152]. Официозными мы называем идеологемы и мифологемы, составляющие официозную идеологию государства (если таковую можно выделить при анализе публичного дискурса), не имеющего законодательно закрепленной официальной идеологии [7, с. 807].

Мифологизация истории Великой Отечественной войны предполагает сакрализацию связанных с ней субъектов и объектов. Эксплицитные сигналы такой сакрализации содержатся в выступлениях президента России — важнейшем источнике официальной идеологии: Победа в мае 45 го — это набат, утверждающий жизнь без войны, это святой символ верности Родине... (Сегодня // НТВ. 2013. 9 мая); Нас объединяет священная память о героях, известных и неизвестных. Объединяет великая благодарность вам, дорогие ветераны, преклонение перед поколением победителей (Новости // Первый канал. 2014. 8 мая).

Приведенные примеры закрепляют священный статус Победы и поколения победителей. Практика сакрализации охватывает также образ СССР как страны, победившей национал-социализм, и Иосифа Сталина как «вдохновителя и организатора Победы»: «Мы выиграли Великую Отечественную войну. И кто бы и что бы ни говорил, победа была достигнута. Даже если мы будем возвращаться к потерям, никто не может сейчас бросить камень в тех, кто организовывал и стоял во главе этой победы», — считает Путин (РИА «Новости». 2009. 3 дек.); В Пензе откроют «Сталинский центр», который будет популяризировать личность генералиссимуса и вручать Сталинскую премию, сообщает «Интерфакс». <...> В июне нынешнего года публицист Александр Проханов предложил причислить Сталина к лику святых (Лента.ру. 2015. 7 дек.).

Следствием сакрализации становится утверждение единственно верного канонического варианта исторического нарратива [ср.: 3] и, как следствие, табуирование критического осмысления соответствующей мифологемы. Рассмотрим два способа такого табуирования. Первый осуществляется силами официальной пропаганды:

Владимир Путин: Мы должны защитить правду о Победе, иначе что скажем нашим детям, если ложь как зараза будет расползаться по всему

миру? Наглому вранью и попыткам переиначить историю мы должны будем противопоставить факты (РИА «Новости». 2020. 15 янв.).

Владимир Мединский: Мое глубочайшее убеждение заключается в том, что даже если бы эта история была выдумана от начала и до конца, даже если бы не было Панфилова, даже если бы не было ничего — это святая легенда, к которой просто нельзя прикасаться. А люди, которые это делают, мрази конченые» (РИА «Новости». 2016. 04 окт.).

Владимир Путин противопоставляет нашу правду о войне той лжи, которую распространяют неназванные субъекты. Столь примитивное разделение, безусловно, соответствует специфике политического дискурса и призвано объединить своих в политической борьбе с чужими [6]. В следующем фрагменте министр культуры России стремится закрепить в качестве канонического не истинный, а заведомо фантомный исторический нарратив, связанный с подвигом панфиловцев, и при этом использует грубую пейоративную лексику для стигматизации политических оппонентов.

Второй способ табуирования критического осмысления предполагает правовой запрет. Так, ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» вводит ответственность и за публичное «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Впрочем, вызывает опасения не столько расплывчатая формулировка, сколько правоприменительная практика. Так, Владимир Лузгин был осужден за то, что «разместил в социальной сети “ВКонтакте” <...> статью под названием “15 фактов про бандеровцев, или о чем молчит Кремль”, в которой содержались заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, а именно утверждение, что ее развязали “коммунисты” (Советский Союз) совместно с Германией, а также о тесном сотрудничестве коммунизма и нацизма» (приговор цит. по: Радио Свобода. 2016. 24 дек.).

Несмотря на то, что рассматриваемая мифологема — при поддержке проправительственных СМИ и правовых институтов — претендует на монопольное положение в российском медиадискурсе, последний оказывает ей идеологическое сопротивление: Великая Отечественная. Ну, тут все более-менее понятно. Такая война существует только в российской истории. Во всех остальных это всего лишь часть Второй мировой. В которую СССР вступил в 1939 году в союзничестве с Германией. <...> Так что в том виде Победа, который гордится Россия — это миф (Аркадий Бабченко // Блоги на «Эхе Москвы». 2017. 21 марта); Критику в адрес Владимира Путина высказали и другие законодатели ЕС. Депутат от Европейской народной партии, бывшая глава МИД Латвии Сандра Калниете, назвала Иосифа Сталина союзником Гитлера. По ее мнению, СССР несет ответственность за начало Второй мировой войны (РБК. 2020. 15 янв.).

В заключение отметим, что подмена исторического нарратива набором мифологем облегчает манипулирование массовой аудиторией, поскольку властные субъекты дискурса произвольно определяют содержание мифа, а значит, могут менять его в соответствии со своими интересами и политической конъюнктурой. Таким способом — в точном соответствии с формулой, выведенной Дж. Оруэллом в романе-антиутопии «1984», — осуществляется контроль над прошлым, а значит, над настоящим и будущим: «Кто управляет прошлым, — гласит партийный лозунг, — тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [Оруэлл, с. 87]. Однако в такой ситуации будущее становится не столь важным: история предстает как нисходящий процесс, кульминация которого — в нашем случае победа в Великой Отечественной войне — находится далеко позади, а вся жизнь страны превращается в гонку за утраченным «золотым веком», что соответствует архаическим представлениям об историческом процессе: «Создали прежде всего поколение людей золотое вечноживущие боги... <...>

Землю теперь населяют железные люди. Не будет им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, и от несчастий» [Гесиод, с. 54-56; см. также: 5].

Таким образом, мифологизация истории Великой Отечественной войны предполагает сакрализацию связанных с ней субъектов и объектов. Экспликация этой сакрализации проявляется в лингвистических средствах, подчёркивающих идеологическую, аксиологическую и др. направленность.

Выводы по главе II

В рамках второй главы, посвящённой описанию лингвистической репрезентации мифологем в военном дискурсе, были: а) определены мифологические мотивы в военном дискурсе; б) аргументированы принципы вычленения мифологем, характерных для военного дискурса; в) описаны средства лингвистической репрезентации мифологем в различных аспектах военного дискурса.

В рамках данной части работы мы пришли к следующим выводам:

Целью данной работы было выявление и описание лингвистических средств репрезентации мифологем в различных аспектах военного дискурса.

Нами были изучены и проанализированы понятия военного дискурса и мифологемы, типы мифологем, рассмотрен военный дискурс в контексте лингвистического описания, мифологемы были проанализированы в качестве компонентов военного дискурса, определены мифологемы, характерные для военного дискурса.

В результате исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Мифологемы среди составляющих военного дискурса занимают особое место, поскольку являются ретрансляторами

состояния общественного сознания, общественной психологии.

2. Мифологемы, являющиеся доминантными в военном дискурсе, отражают ценностный аспект русской языковой картины мира. Наличие идеологической коннотации в смысловой структуре военной мифологемы приводит к тому, что всякая военная мифологема является также идеологемой.
3. Специфика репрезентации мифологем военного дискурса раскрывается на тематическом и аксиологическом уровнях, на уровне использования характерных терминов, понятий, образных и фразеологических единиц.
4. По материалам текстов военного дискурса (военно-публицистических текстов, военных медиатекстов, аналитических текстов, текстов военной рекламы), количество которых составило 350 единиц, были выделены мифологемы, значимые как в данном дискурсе, так и в целом в русской языковой картине мира (Великая Отечественная война, День Победы, русский солдат, офицерская честь и др., а также мифологемы-антропонимы Александр Невский, Александр Суворов и др.).
5. Анализ военного медиадискурса показывает, что история Великой Отечественной войны и День Победы как её кульминационный момент трансформируются в одну из ключевых официозных мифологем современной России. Мифологизация истории Великой Отечественной войны предполагает сакрализацию связанных с ней субъектов и объектов. Экспликация этой сакрализации проявляется в лингвистических средствах, подчёркивающих идеологическую направленность политической элиты страны (президента, министра обороны). Например, *Великая Победа*

– это набат, святой символ верности Родине, священная память о героях и др.

Мифологема *офицерской чести* сопряжена с репрезентацией мифологема *«русский солдат»*. Мифологема «русский солдат» получает лингвистическую репрезентацию в нескольких содержательных сферах, в рамках которых мы выделили три ключевых фактора: 1) взаимосвязь армии и культуры; 2) ценностную составляющую военных понятий в контексте соответствующей сферы; 3) особенности объективации образа русского солдата сквозь призму значимого для русской национальной картины мира ценностно-мировоззренческого компонента военной сферы.

Для русской культуры и русской армии характерна их тесная взаимосвязь. Свидетельством тому служат устное народное творчество (образы былинных богатырей, витязей, русского солдата, служивого и др.), художественная литература (творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А. Твардовского, К. Симонова и др.), музыка («В землянке», «Тёмная ночь» и др.), кинематограф (фильмы «Офицеры», «Сталинград» и др.), живопись (картины В.В. Верещагина, И. Репина, П.А. Кривоногова и др.), скульптура, архитектура, агитационные плакаты Великой Отечественной войны и др. При этом важно подчеркнуть сквозной характер и значимость образа русского солдата в произведениях разных видов и жанров искусства.

Фактор взаимосвязи русской армии и русской культуры чётко проявляется в языковом аспекте. Дефиниции лексических единиц воинская честь, достоинство, отвага, героизм, подвиг, воинские почести, боевые традиции, патриотизм и другие представлены в словарях военных терминов. Ценностный потенциал данной лексики отражён в тексте Военной присяги и положениях воинских уставов. Например: «Военнослужащие должны постоянно служить примером высокой культуры, скромности и выдержанности, свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и

уважать достоинство других. Они должны помнить, что по их поведению судят не только о них, но и о Вооруженных Силах в целом» (из воинских уставов). Как показал анализ различных лексикографических дефиниций, анализируемые лексические единицы образуют особый кластер: их семантические признаки в полной мере реализуются в контексте репрезентации военных реалий и ситуаций: поведение воина в бою (при наступлении, обороне), военных манёврах, в быту, при необходимости сделать выбор, расставить приоритеты и т.д. Перечисленные выше лексические единицы входят в ценностно-мировоззренческое поле военной сферы, выступают в качестве репрезентантов мифологемы «русский солдат», поскольку он – главное действующее лицо в ситуациях данной сферы. Многие из лексем не ограничиваются словарными дефинициями. Они приобретают в языковой картине мира символические смысловые оттенки и являются ментальными концептами, которые составляют идейный фон военной концептосферы и значимый культурный код России.

Таким образом, анализируемые феномены в репрезентации мифологемы «русский солдат» являются трансляторами ценностно-мировоззренческого потенциала русской военной картины мира. Данный потенциал реализуется через должностную-обязывающую, учебно-боевую, материально-техническую и эмоционально-ценностную содержательные сферы репрезентации мифологемы «русский солдат», основу которых составляют следующие признаки данной мифологемы:

- 1) русский солдат – защитник Родины и патриот;
- 2) стойкий, целеустремлённый и храбрый воин;
- 2) обладающий боевым духом и силой воли;
- 3) соблюдающий законы и живущий по воинским уставам;
- 4) бережно относящийся к амуниции;

5) проявляющий смекалку и сообразительность;

6) тот, кто чтит воинские традиции и ритуалы.

Данные признаки являются значимыми маркерами военной картины мира и вписываются в содержательные сферы, каждая из которых транслирует ценностно-мировоззренческую доминанту этой картины мира сквозь призму национально-культурных представлений об образе русского солдата; в-третьих, в репрезентации мифологемы участвует разноуровневая лексика – от специальных терминов до культурно маркированных единиц:

1. Долженствующе-обязывающая сфера. Основу данной сферы составляют: а) семантические оппозиции «командир – подчинённый», «офицер – рядовой», которые отражены в наименованиях званий в военной иерархической структуре; б) этикетные языковые элементы («Есть!», «Так точно!» и др.); в) ситуации и виды действий, регламентированных содержанием военных уставов, специальных военных документов и назначением этих документов (например: приказ, приказание, задача и т.п. в сочетании с прилагательными военный, боевой и др. и с глагольными сочетаниями: отдавать (приказ), выполнять приказ, принять к исполнению и др. в сочетании с лексемами военный, воинский, боевой и др.

Эмоциональная сфера представлена репрезентантами морально-психологического состояния воина, его поведения в различных ситуациях: русский солдат: стойкий, непобедимый, находчивый, ловкий, решительный, смелый.

Ценностно-смысловая сфера мифологемы представлена маркерами ценностной картины мира военнослужащего – понятиями «долг», «честь», «доблесть», «патриотизм», «воинский подвиг», «героизм», «мужество», «воинские/боевые традиции» и др.

Вышеперечисленные характеристики отражены и в текстах различного характера: в произведениях художественной литературы, в рекламе, в агитационных плакатах, в медиапространстве, в паремиологической картине мира, во фразеологии. Например: «Присяга бойца – за Родину стоять до конца», «Кто хорошо военное дело знает, тот в бою побеждает», «В знамени – твоя честь, в оружии – слава», «Стойкий и умелый воин – хозяин на поле боя», «Бой отвагу любит».

В их репрезентативный ресурс в идиоматике и паремиях. «Василий Тёркин»); «Во время блокады военное мастерство сравнилось. Наши солдаты, голодные, плохо обеспеченные снарядами, удерживали позиции в течение всех 900 дней, против сытого, хорошо вооруженного врага уже в силу превосходства духа» (Д. Гранин. «Мой лейтенант»); «Водители машин! Бесперебойно, быстро и в срок, без поломок и аварий доставляйте грузы на фронт», «Ждите с победой», «В победных боях на орловском направлении героически действовали наши сапёры...» (из плакатов Великой Отечественной войны); «В День защитника Отечества мы вспомним о пяти наших современниках, совершивших подвиги. Они не искали славы и почестей, а просто до конца исполняли свой долг» (Герои нашего времени. Пять историй о людях, шагнувших в бессмертие // «Аргументы и факты», 22.02.2013 г.).

Таким образом, мифологизация истории Великой Отечественной войны предполагает сакрализацию связанных с ней субъектов и объектов. Экспликация этой сакрализации проявляется в лингвистических средствах, подчёркивающих идеологическую направленность политической элиты страны (президента, министра обороны).

Заключение

Целью данной работы было выявление и описание лингвистических средств репрезентации мифологем в различных аспектах военного дискурса.

В первой главе, посвящённой теоретическим аспектам изучения мифологем в военном дискурсе, были рассмотрены определение и объём понятия мифологемы, типология мифологем, описана структура военного дискурса, рассмотрен военный дискурс в контексте лингвистического описания, мифологемы были проанализированы в качестве компонентов военного дискурса.

В рамках второй главы, посвящённой описанию лингвистической репрезентации мифологем в военном дискурсе, были: а) определены мифологические мотивы в военном дискурсе; б) аргументированы принципы вычленения мифологем, характерных для военного дискурса; в) описаны средства лингвистической репрезентации мифологем в различных аспектах военного дискурса.

В результате исследования нами были сделаны следующие **выводы**:

1. Термин *мифологема* обозначает конкретную интерпретацию универсальной модели коллективного бессознательного (архетипа) в любой форме человеческой деятельности с широким набором функций. Для этой интерпретации характерны отсутствие фабульности, ретроспективность и региональные особенности. Особенности мифологемы определяется широкий набор функций, которые она выполняет.
2. Мифологема является единицей мифологической системы, лингвистической репрезентацией мифа, используется для обозначения устойчивых и повторяющихся конструкторов общечеловеческой мысли, обобщённо отражающих

действительность в виде чувственно-конкретных ассоциаций, которые появляются в человеческом сознании, характеризуется образностью выражения, аксиологической маркированностью и конвертируемостью смыслов и имеет тесную взаимосвязь с понятиями «архетип» и «символ».

3. Структура мифа формируется всеми компонентами, входящими в миф. Все элементы мифа являются важными для его существования в национальной когнитивной базе, если этот миф относится к национальным мифам, или для существования мифа в когнитивных базах разных наций, если миф относится к кросскультурным мифам. Структуру мифа образуют не только персонажи или ситуации, но и предметы, с которыми эти ситуации связаны.
4. По языковому статусу выделяются следующие типы мифологем: мифологема-текст, мифологема-высказывание, мифологему-антропоним, мифологема-ситуация.
5. Коммуникативными функциями мифологемы являются следующие: познавательная (алогично-эвристическое объяснение причин мироустройства), аксиологическая (передачу необходимых для развития социума духовных ценностей), регулятивная (образ запрета-разрешения в социуме), эстетическая (сохранение нарративной традиции и выразительных возможностей языковой и фольклорной архаики).
6. Военный дискурс как предмет лингвистического описания привлекает внимание учёных в разных аспектах исследования: культурологическом, философском, историческом, политическом, рекламном, лингвистическом, педагогическом и др. Как известно, главным критерием дискурса вообще выступает особая языковая среда, в рамках

которой происходит создание соответствующих языковых конструкций. В контексте данного понимания, дискурс – это речь погруженная в жизнь, то есть лексика, семантика, прагматика и синтаксис, которые находят свое проявление в коммуникации и текстах и с помощью которых происходит лингвистическая репрезентация различных компонентов определённого дискурса, а в рамках данного исследования мы говорим о компонентах военного дискурса.

7. Среди составляющих военного дискурса особое место занимают мифологемы, поскольку они являются ретрансляторами состояния общественного сознания, общественной психологии, в котором зафиксированы каноны описания существующего порядка вещей и сами описания того, что существует и имеет право на существование. Мифологемы фиксируют порядок вещей и служат концептуальным обоснованием поведения в данном обществе.
8. Мифологемы, являющиеся доминантными в военном дискурсе, отражают ценностный аспект русской языковой картины мира. Наличие идеологической коннотации в смысловой структуре военной мифологемы приводит к тому, что всякая военная мифологема является также идеологемой.
9. Анализ текстов военного дискурса, данных лексикографических источников и Национального корпуса русского языка, материалов ассоциативных экспериментов, значимыми мифологемами военного дискурса в русской языковой картине мира являются солдат, жизнь, смерть, мир, война, победа и др. Среди мифологем-антропонимов – Александр Невский, Александр Суворов и др. Лингвокультурная специфика репрезентации мифологем военного дискурса раскрывается на тематическом и аксиологическом уровнях,

на уровне использования характерных терминов, понятий, образных и фразеологических единиц.

С помощью проведённого семантического анализа и привлечения текстов военного дискурса и Национального корпуса русского языка были выявлены языковые репрезентанты перечисленных выше мифологем.

В результате исследования нами были сделаны следующие выводы:

Таким образом, цель исследования была достигнута.

Список литературы

1. Абыякая О. В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: Автореферат дис... канд. филол. н. Санкт-Петербург, 2004. – 23 с.
2. Алексеев-Апраксин А.М. Культурная реальность в свете исследования межкультурных взаимодействий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 2. № 4. С. 121-128.
3. Архетип и мифологема
[//https://ozlib.com/837081/literatura/arhetip_mifologema](https://ozlib.com/837081/literatura/arhetip_mifologema)
4. Бурштейн А. С., Левит В. И. Реальность мифа // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2012. Т. 6, вып. 2. С. 106-151.
<https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/3319/19.pdf> (дата обращения: 08.07.2021).
5. Валеева Л.В. Терминосистема лингвистических исследований мифа // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63). № 2. Ч. 3. 2011. С. 212-222.
6. Варламова В. Н. Лингвистические особенности мифологема в художественном тексте // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. №5 (19-2). С. 20-26. <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-mifologemy-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 08.07.2021).
7. Вепрева И. Т., Шадрин Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // С. 120-131.
https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3625/2/prof_uieup_3_vepreva_1.pdf
(дата обращения: 08.07.2021).
8. Вепрева И. Т. Идеологема и мифологема: к определению терминов / И.Т. Вепрева, Т. А. Шадрин // Научные труды профессоров

- Уральского института экономики, управления и права. — 2006. — Вып. 3. — С. 120–131.
9. Гесиод. Труды и дни / Гесиод // Гесиод. Полное собрание текстов. — Москва: Лабиринт, 2001. — С. 51–76.
 10. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007. - 288 с.
 11. Дмитриенко М.В. Мифологема «поэт» и ее концептуальные модели в русском поэтическом дискурсе XIX – XX вв. // Вестник ЧелГУ. 2009. №27 (165). С. 29-33.
 12. Ильинова Е.Ю. Мифологема как эвристический прием интерпретации когнитивной картины мира // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXI. Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения: сб. научных трудов. - СПб.: Политехника-сервис, 2012. - С. 184-194.
 13. Ищенко Н.А. Военный дискурс и дискурсивное измерение войны // Вопросы духовной культуры. Филологические науки. С. 22-24.
 14. Каблуков Е.В. Мифологема Великой Отечественной войны в современном российском медиадискурсе // Профессиональная культура журналиста в эпоху социальных и технологических трансформаций медиасферы. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. – С. 150-153.
 15. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
 16. Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). <http://journals.uspu.ru/attachments/article/841/07.pdf> (дата обращения: 08.07.2021).
 17. Клушина Н. И. Контекстные измерения мифологемы // Стилистика сегодня и завтра: материалы конф. - М., 2014. - С. 154-157.

- 18.Кобылко Н.А. Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы // Современная филология: материалы III Междунар. Науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). - Уфа: ЛЕТО, 2014. - С. 4-6.
- 19.Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный Текст // Политическая лингвистика. - 2013. - № 4 (46). - С. 209-215. <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-kak-svernutyy-sakralnyy-tekst> (дата обращения: 08.07.2021).
- 20.Круталеви́ч А.Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Culture and Civilization. 2016. № 1. <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-1/1-krutalevich.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).
- 21.Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. - М.: Гнозис, 2003. - С. 197.
- 22.Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. - 512 с.
- 23.Левитская Н.А., Ломакина О.В. Анализ мифологем и концептов как путь к пониманию литературного произведения // Жанрологический сборник. Вып. 1. - Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. - С. 62-66.
- 24.Линченко С. А., Цыганков А. С. Мифологемы в историческом познании: мифологическое должное vs. исторического сущего // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Филос. 2014. № 5 (25). С. 19-28. <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologemy-v-istoricheskom-poznanii-mifologicheskoe-dolzhnoe-vs-istoricheskogo-sushego> (дата обращения: 08.07.2021).
- 25.Лосев А.Ф. Логика символа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 525 с.
- 26.Мавлеев Р.Р. Военно-политический дискурс: социально-коммуникативные, лингвокогнитивные и переводческие аспекты (на

- материале китайского и русского языков): Дис... канд. филол. н. Москва, 2019. - 246 с.
- 27.Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М.: Гнозис, 2003. - 252 с.
- 28.Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 255 с.
- 29.Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. 3-е изд. - М.: Академия, 2007. - С. 38.
- 30.Моисеев М.В. Типология мифологем в американской лингвокультуре // Вестник Омского университета. - 2012. - № 1. - С. 151–154. <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-mifologem-v-amerikanskoj-lingvokulture> (дата обращения: 08.07.2021).
- 31.Носова М.Б. Условия успешной дискурсивной деятельности в военной сфере // Проблемы современного педагогического образования: сб. науч. тр. Ялта, 2018. Вып. 61. Ч. 1. С. 238–241.
- 32.Носова М.Б. Особенности использования игры «Storryteller» на занятиях по РКИ при обучении военному дискурсу // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности: материалы докл. и сообщ. XXIV Междунар. науч.-метод. конф. - СПб., 2019. - С. 484–488.
- 33.Носова М.Б. Военный дискурс как предмет лингвистического описания в практике преподавания РКИ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. - 2020. - С. 68-73. <https://cyberleninka.ru/article/n/voennyj-diskurs-kak-predmet-lingvisticheskogo-opisaniya-v-praktike-prepodavaniya-rki> (дата обращения: 08.07.2021).
- 34.Олянич А. В. Милитарный (военный) дискурс // Дискурс-Пи. 2015. С. 165-167. <https://cyberleninka.ru/article/n/militarnyy-voennyj-diskurs> (дата обращения: 08.07.2021).
- 35.Олянич А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2003–2004. Вып. 3. 256 с.

36. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл. — Москва: АСТ, 2014.
37. Прилуцкий А. М. К вопросу о герменевтических механизмах функционирования конспирологического мифа // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 4. С. 131–141. DOI: 10.37482/2227-6564-V041.
https://gum.narfu.ru/upload/iblock/51c/131_141.pdf (дата обращения: 08.07.2021).
38. Радионов А.П. Военный дискурс // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018006157> (дата обращения: 08.07.2021).
39. Рыжова В. А. Мифологема как симулятивный знак и лингвистический инструмент внушения представлений // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Том 6, № 1. С. 193 – 195.
https://ejournal.pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2015/TGU_6_31.pdf (дата обращения: 08.07.2021).
40. Сегал А. П. Проблемное поле обыденных и научных представлений о Золотом веке как продукт викизации знания / А. П. Сегал // Вестник МГОУ. Сер.: Философские науки. - 2016. - № 2. - С. 36–49.
41. Семенихина М.В. Мифологема как понятие и термин: к вопросу об определении // Перевод. Язык. Культура: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. - СПб., 2015. - С. 180-184.
42. Символы, знаки, эмблемы: энцикл. / авт.-сост. В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, В.Л. Телицын. - М., 2003.
43. Туркина В.Г. Мифологема как стереотипы массового сознания // Наука. Искусство. Культура. 2016. Выпуск 2 (10). С. 32-41.
<https://cyberleninka.ru/article/n/mifologemy-kak-stereotipy-massovogo-soznaniya> (дата обращения: 08.07.2021).

44. Уланов А.В. Русский военный дискурс XIX — начала XX века: структура, специфика, эволюция. Дисс. доктора филол. наук. Омск, 2014. 494 с.
45. Уланов А.В. Коммуникативные стратегии в военном дискурсе // С. 99-109. [http://journals.tsu.ru/uploads/import/1168/files/4\(28\)_099.pdf](http://journals.tsu.ru/uploads/import/1168/files/4(28)_099.pdf) (дата обращения: 08.07.2021).
46. Хомутова Т.Н., Наумова К.А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 3. С. 49–53. <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskiy-diskurs-kak-osobyuy-tip-diskursa> (дата обращения: 08.07.2021).
47. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки / А.К. Хурматуллин. – 2009. – С. 31-36
48. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
49. Шашок Л.А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) // Политическая лингвистика. 2018. 6 (72). С. 116-119. <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/10654/1/plin-2018-06-16.pdf> (дата обращения: 08.07.2021).
50. Шашок Л.А. Структурные особенности военного дискурса: обоснование необходимости исследования // Актуальные вопросы филологических наук: материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар, 2019. С. 9–13.
51. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Волгоград: Перемена, 2000.

52. Шишова Ю.Л. Лингвистическая объективация мифологемы пути в современной англоязычной литературе: автореф. дисс.... канд. филол. наук. 10.02.04. – СПб., 2002. – 23 с.
53. Юнг К.Г. Человек и его символы. - М. : Серебряные нити: Медков С. Б., 2006.
54. Юнг К.Г., Кереньи К. О мифологеме. Введение в сущность мифологии [Текст] / К.Г. Юнг. Душа и миф: шесть архитипов. – М., 1997.
55. Юсупова Т.С. Структурные особенности военного дискурса // Изв. Самар. науч. центра Рос. академии наук. 2009. Т. 11. Вып. 4. С. 1055–1057.

Словари

56. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137
57. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.Л. Кузнецов. - СПб.: «Норинт», 2000.
58. Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10 500 синонимов/Под ред. Л.Г. Бабенко. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. - 784 с.
59. Большой психологический словарь. — М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003.
60. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002 – 1008 с.
61. Горбачевич К. С. Русский синонимический словарь. - СПб.: ИЛИ РАН. 1996.-512 с.
62. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - 2-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2001 - Т. 1: А - О. - 1232 с. - (Б-ка словарей рус. яз.).

- 63.Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - 2-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2001 - Т. 2: П - Я. - 1088 с. - (Б-ка словарей рус. яз.).
- 64.Исаев М. И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. — М., 2002.
- 65.Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. – 1488 с.
- 66.Ожегов СИ. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. -М.: Рус. яз., 1991.
- 67.Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 784 с.
- 68.Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций/Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. - М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 992 с.
- 69.Русский идеографический словарь // <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5485> (дата обращения: 28.01.2021).
- 70.Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений/РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Азбуковник, 2003.

- 71.Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981 — 1984.
- 72.Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. - Ленинград: Издательство «Наука», 1970.
- 73.Социологический словарь. — М.: Экономика. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. 2004.
- 74.Толковый словарь русского языка: В 3 т. / Под ред. Проф. Д.Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книги.